

Моей матери Клодии посвящается

С глубокой любовью и признательностью Эмме Берчам, снова и всегда.

Огромная благодарность всем в «Макмиллане» и «Дель Рее», в особенности моим редакторам, Питеру Лейвери и Крису Шлуну. И, как и всегда, моя признательность, которую невозможно выразить словами, Мик Читэм.

Я в долгу перед всеми, кто читал черновики и давал мне советы: моей матерью Клодией Лайтфут, моей сестрой Джемаймой Мьевиль, Максом Шейфером, Фарой Мендельсон, Марком Булдом, Оливером Читэмом, Эндрю Батлером, Мэри Сандис, Николасом Блейком, Дианой Хоук, Джонатаном Стрейаном, Коллин Линдсей, Катлин О'Ши и Саймоном Кавана. Без них эта книга была бы гораздо хуже.

Но память не заходит в заходящее солнце, в этот зеленый и замерзший взгляд в бескрайнее синее море, где разбитые сердца выкорчевываются из их ран. Слепое небо выбелило интеллект человеческой кости, обдирая кожу эмоций с трещины и обнажая боль под ней. А это зеркало обнажает меня, голый и уязвимый факт.

Дамбудзо Маречера,
«Черный солнечный свет»

В миле под самыми низкими облаками скала вспарывает воду, и начинается море.

Ему давали самые разные имена. Каждый залив, каждая бухта и поток обозначались так, будто они сами по себе. Но они — одно целое, и говорить о каких-то границах нелепо. Это целое заполняет пространства между камнями и песком, омывает береговую линию, заполняет впадины между континентами.

По краям мира соленая вода так холодна, что обжигает. Огромные плиты замерзшего моря притворяются сушией, они ломаются, рушатся, видоизменяются, когда их вдоль и поперек рассекают туннели, обиталища ледяных крабов, философов в панцире живого льда. В южных мелководьях есть леса трубчатых червей, бурых водорослей и хищных кораллов. С идиотской грацией проплывет медуза. Трилобиты гнездятся в костях и растворяющемся железе.

Море кишмя кишит.

На поверхности свободно парят существа, которые живут и умирают, так и не увидев под собой дна. Сложные экосистемы процветают в неритовых водах и на равнинах, соскальзывая по органическим осыпям к

кромкам скалистых шельфов и дальше — туда, куда не достигает свет.

Есть тут и ущелья. То ли моллюски, то ли божества терпеливо выжидают под столбом воды высотой в восемь миль. В этом лишенном света холоде царствует эволюция с ее жестокостью. Примитивные существа испускают слизь и свечение и двигаются, мельтеша неясными конечностями. Логика их форм порождена ночными кошмарами.

Здесь существуют бездонные столбы воды. Здесь есть места, где гранитная и илистая основа моря распадается на вертикальные туннели: они уходят вниз на многие мили и разбегаются в другие планы под таким огромным давлением, что вода становится густой и вязкой. Она проникает сквозь поры реальности, просачивается назад, угрожая размывами, оставляет трещины, через которые могут выйти наружу смещенные силы.

В прохладных промежуточных глубинах сквозь породу прорываются гидротермические струи, образуя облака перегретой воды. Здесь нежатся всю свою недолгую жизнь замысловатые существа, которые не удаляются от теплой, богатой минералами воды дальше чем на несколько футов, потому что холод сразу же убивает их.

Ландшафт под поверхностью воды образован горами, каньонами, лесами, ползучими дюнами, ледяными кавернами и кладбищами. Вода насыщена материей. Острова невозможным образом плавают в глубинах, уловленные зачарованными приливами. Некоторые размером не больше гроба — малые, не желающие тонуть осколки кремня и гранита. Другие — это изъеденные куски породы в полмили длиной: они висят в нескольких тысячах футов под поверхностью и двигаются в медленных загадочных потоках. Существуют сообще-

ства этих нетонущих островов; существуют тайные королевства.

На океанском дне есть свои герои, здесь происходят жестокие сражения, незаметные для обитателей суши. Здесь есть свои боги и свои катастрофы.

Между водой и воздухом проходят корабли, являясь без приглашения. Их тени скользят по дну, там, где оно достаточно высоко и свет достигает его. Над сгнившими остовами судов проплывают торговые корабли, рыбацкие лодки, китобои. Тела моряков удобряют воду. Рыбы-падалицы выедают глаза и губы. В коралловых сооружениях видны пустоты — когда-то тут были якоря и мачты. Затонувшие корабли оплаканы или забыты, и живое дно океана принимает их, укрывает ракушками, делает логовом мурен, крысориб, креветошельников и других куда как более хищных тварей.

На самой глубине, где физические законы сокрушены непомерным давлением воды, мертвые тела продолжают медленно падать в темноте — много дней спустя после того, как затонули их суда.

На своем долгом пути вниз они разлагаются. Мирового дна достигнут лишь их кости, окутанные слизью водорослей.

На краях каменных террас, где легкая вода уступает место наползающей на нее темноте, притаился крей-самец. Он видит жертву, в горле у него раздаются щелчки и треск, он стягивает капюшон со своего охотничьего кальмара и отпускает его.

Кальмар устремляется прочь, ныряет в косяк мельтешащей жирной макрели, который, как облако, меняет свою форму в двадцати футах над ним. Футовые щупальца действуют как лассо. Кальмар возвращается

к своему хозяину, таща умирающую рыбину, а косяк снова смыкается за ним.

Крей откусывает у макрели хвост и голову, а туловище засовывает в сетку, висящую у него на поясе. Окровавленную голову он отдает кальмару — пусть погрызет.

Верхняя часть тела крея, мягкая, не защищенная панцирем, чувствительна к течениям воды и перемене температуры. Когда сложные течения встречаются и взаимодействуют, ему кажется, будто кто-то щекочет его желтоватую шею. Макрелевое облако судорожно сжимается, а потом вдруг резко исчезает за покрытым коркой рифом.

Крей поднимает руку, подзывает кальмара поближе, легонько поглаживает его. Поглаживает пальцами свой гарпун.

Он стоит на гранитном выступе, где полощутся водоросли и папоротники, лаская его длинное подбрюшье. Справа над ним возвышается пористый холм. Слева склон резко уходит на глубину, куда не проникает свет. Крей чувствует, что снизу веет холодком. Он смотрит в эту крутую смену синевы. Далеко наверху, на поверхности, видна световая рябь. Внизу лучи света резко сходят на нет. Он стоит лишь чуть-чуть выше зоны вечной тьмы.

Он осторожно переступает ногами по кромке плато. Он частенько приходит поохотиться сюда, подалее от более светлых и теплых течений, где добыча не так осторожна. Иногда любопытство выгоняет из тьмы крупную дичь, незнакомую с его хитроумной тактикой и колючими пиками. Крей нервно топчется в водном потоке и смотрит в открытое море. Иногда из темноты появляется не жертва, а хищник.

На него набегают холодные волны. Галька вокруг его ног шевелится, скатывается с обрыва вниз и исчезает из виду. Крей цепляется за скользкие камни.

Где-то внизу под ним чувствуется легкое столкновение пород. Крея подирает мороз, и причиной тому — не холодные волны. Камни меняют взаимное расположение, и через вновь возникшие трещины устремляются потоки магических струй.

В холодной воде на границе тьмы возникает нечто злоеущее.

Охотничий кальмар впадает в панику и, когда крей снова отпускает его, сразу же устремляется вверх по склону, к свету. Крей взглядывается назад, в мглу, в поисках источника звука.

Что-то сильно и злоеуще дрожит. Крей пытается разглядеть, что там такое, сквозь воду, заполненную взвесью и планктоном, и замечает какое-то движение. Далеко внизу дрожит часть скалы размером с человека. Крей кусает губы, видя, как большой камень неправильной формы отрывается и летит вниз.

Грохот падения слышен еще долго после того, как камень пропадает из виду.

Теперь в склоне есть выщербина, которая наполняет море темнотой. Какое-то время все вокруг тихо, и крей в тревоге ощупывает свою пику. Он сжимает ее в руке, взвешивает и чувствует дрожь в своем теле.

И тут из дыры бесшумно выскальзывает что-то бесцветное и холодное.

Оно обманывает глаз, порхая с невероятной врожденной обманчивой живостью; кажется, будто струнья отпадают от раны. Крей-самец замирает. Его одолевает страх.

Появляется еще чей-то силуэт. И опять крей не может разобрать, что это такое, — очертания ускользают от него. Это новое существо похоже на воспоминание или впечатление, оно не поддается классификации. Оно быстрое, плотное и набегаем холодный ужас.

..... Ч А Й Н А М Ь Е В И Л Ь

Потом появляется еще одно, потом еще и еще, и вот из темноты струится непрерывный поток. Существа смещаются, будучи отчасти видимыми, соединяются, распространяются вширь, их движения неясны.

Крей-самец неподвижен. Он слышит в шуме прилива странный шепоток, какие-то беседы.

Глаза его расширяются, когда он видит огромные, загнутые назад зубы и складчатые тела. Злобещие сильные твари мельтешат в ледяной воде.

Крей-самец приходит в движение, пятится, его ноги едва касаются наклонной поверхности. Он пытается успокоить себя, но поздно — у него вырываются тихие крики ужаса.

Одним ленивым хищным броском темные существа, сгрудившиеся под ним для совета, начинают движение. Крей-самец видит темные пятна — десятки глаз — и с тошнотворным страхом понимает, что они наблюдают за ним.

А потом с чудовищной грацией существа поднимаются и набрасываются на него.

Лишь в десяти милях за городом река теряет свою инерцию и неторопливо вливается в излучину устья, питающего Железный залив.

Суда, плывущие на восток из Нью-Кробюзона, попадают в низовье. На юге видны хижины и полусгнившие пристани, с которых, пытаясь разнообразить свою пищу, забрасывают удочки местные работяги. Их дети робко машут путешественникам. Изредка попадаются утес, скала или худосочная рощица — места, бросающие вызов фермерам; но по большей части земля свободна от камней.

С палуб матросы видят линии живых изгородей и деревьев, уходящие в поля. Это оконечность Зерновой спирали — длинной дуги фермерских хозяйств, которые кормят город. Местные жители в зависимости от времени года собирают урожай, пахут черную землю или сжигают жнивье. Между полей медленно движутся лодочки — по каналам, невидимым за насыпями и растительностью. Они совершают бесконечные рейсы между метрополией и фермами. Они привозят удобрения и топливо, камень, цемент и предметы роскоши за город. Они возвращаются в город мимо участков обихоженной земли, застроенной деревушками, большими домами и мельницами; они несут на себе горы мешков с зерном и мясом.

Этот поток никогда не иссякает. Нью-Кробюзон не насыщен.